

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л. И. Журова

ВЫСОКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

(Плюханова М. Б. Кипящие свѣта: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2016. — 604 с., ил.; 24 с. цв. вклейка)

В новой книге привлекает внимание и имя автора, и название. М. Б. Плюханова, ученица Ю. М. Лотмана, профессор Государственного университета Перуджи (Италия), известна как медиевист, компаративист, славист с широким диапазоном научных интересов. Появившийся труд — уникальный опыт сравнительного исследования литургических сочинений в европейской и русской культуре. Его цель — определить пути и способы вхождения в русскую словесность византийских сочинений и развития в ней оригинальной традиции служб чудотворным иконам Богородицы, складывания культа и нового типа богослужения — Богоматери — на русской земле.

В фокусе объемного фундаментального историко-филологического труда — небольшие тексты служб на празднования 26 августа Сретения Владимирской иконы и 9 июля чудотворной явленной иконе Богоматери с Младенцем (Смоленской, Колочской, Тихвинской, Казанской). История Слов византийских проповедников на Успение и «Последования похвального к Пречистой Богородице» (конец XIV в.) в русской литературе, с одной стороны, и сказаний о явленных иконах в практике чествования образов — с другой, выступила рамочным обрамлением в изучении литургической поэзии и гомилетики Руси с конца XIV по конец XVII в.

М. Б. Плюхановой удалось определить природу нового типа празднования — богослужение Богоматери — и службы иконе как специфического жанра русской словесности, проследить поэтапное становление и развитие литургической традиции в Средневековье. Если у католиков основной темой в поклонении было Зачатие Богородицы, то в православии Успение во многом обусловило содержание культа Богоматери. Исследователь объясняет природу русских празднований в честь богородичных икон, ставших, по словам автора, ответвлением в успенском предании с конца XIV в.

Отталкиваясь от процессов создания новых мариологических праздников и образования культов в Европе в XIV—XVII в., специалист описала историю и особенности поклонения Божией Матери на Руси. Совпадение исторического функционирования образов в разных культурах (католической и православной) обусловлено единством так называемого Богородичного возрождения. Но почитание икон и учреждение в их честь праздников — самобытное русское явление, это те новшества, которые исследователь искала и обнаружила.

Вопрос об особенностях русских празднований в честь богородичных икон выявлен в сопоставлении с византийской и европейской традицией. Праздник Торжества православия лежит у истоков культуры почитания чудотворных образов. В католической среде иконы Богоматери не играли большой роли в организации праздников. На Руси же сложилась богатая культура поклонения иконам Богородицы. Такие факты, как многочисленность (более 1000) почитаемых икон на Руси, обилие праздников (общерусских и

локальных) в православном церковном календаре, слабая привязанность их к месту явления, несомненно, сказались на формировании служб святым образам на русской почве. Но, справедливо отмечает исследователь, в иконном месяцеслове не всегда очевиден высокий литургический статус праздников.

Включив в название книги цитату из Последования похвального — «Кипъние свѣта», М. Б. Плюханова определила смысловое ядро своего научного исследования — световые образы в русских службах. Основной акцент поставлен на определение смыслов богородичных культов, выраженных символически. Обратившись к символической образности икон Божией Матери с Младенцем на руке (этот тип изображения автор относит к Одигитрии, хотя, как известно, следует разделять Одигитрию и Елеус) и гимнографическим сочинениям, ученый поставила перед собой немало сложных задач. Для их решения привлечены многочисленные источники (от вербальных до изобразительных) и очень широкий историко-культурный контекст, системно сложенный из византийского, европейского и славянского материала. Поразительное знание предмета исследования вызывает доверие к его результатам. Несомненным достоинством книги следует считать великолепный анализ поэтического текста, который воспринимается как отдельное произведение мастера, открывающего тонкие, подчас неуловимые, черты русской церковной поэзии. Предложенная содержательная интерпретация выявленных текстов утверждает новые явления в литургике и гомилетике Древней Руси.

Автор намеренно отказывается от устных народных традиций, оценивая их как профанный опыт, сосредоточивается на понимании символических форм и глубинного содержания в текстах, имевших религиозное значение. В поисках высоких смыслов богородичных культов «выносит за скобки» устные источники («фольклорный мотив, ничего не значащий», с. 552) и отвергает значимость народных преданий, признаваясь, что тем самым желает опровергнуть признанное положение: «предлагаемая работа стремится опрокинуть распространенный обычай возводить русские культы богородичных икон к народным корням и считать наиболее простые и наивные рассказы об иконах наиболее аутентичными и исконными» (С. 11). Установка на то, чтобы работать с текстами, документированными в рукописях, а не их протографами, конечно, вызывает доверие к исследованию в целом, но, следует признать, что современные методы реконструкции истории памятника письменности тоже достаточно надежны. Несмотря на признание высокого статуса сказаний об иконах в русской традиции, исследователь учитывает их только как исторические свидетельства, зафиксированные в летописях, или как элементы церковного чтения.

Следует отметить еще ряд (неполный) новых положений в работе. Так, автор корректирует сложившиеся представления о роли икон в воинских событиях в сторону ее умаления, обращает внимание на порождение богородичного культа, обусловленное не историческими катастрофами и победами, а воспоминаниями о человеческих бедствиях и страданиях, не считает политические источники и народные предания основой почитания святых образов. Таковы некоторые принципиальные положения, определяющие позицию исследователя.

Генезис служб богородичным иконам возведен к Словам на Успение византийских проповедников. Показано их влияние на формирование канона Одигитрии и Последования похвального, которые, в свою очередь, стали исходными для литургической службы в честь Богородицы с Младенцем, источающей свет и милость. Замечательный анализ Слов на Успение Андрея Критского приводит автора к важному наблюдению: «для русского богослужения в честь богородичных чудотворных икон станет ключевым успенский образ приснотекущего источника Жизни, источающего свет и святости» (С. 70). В Слове Климента Охридского найден мотив сияния Успения «в лучах высшей ясности». Федор Студит, защитник иконопочитания, «сформулировал идею перехода качеств Богоматери после ее смерти на икону: икона сияет подобно солнцу, или Богоматерь проявляет свой подобный солнцу вид через икону» (С. 75). Автор делает самый важный вывод: в русском богослужении сложилась традиция переноса определений Богоматери на икону, придавшая импульс развитию успенского предания.

Исследование поэтической диалектики Успения Иоанна Дамаскина, построенное на очень выразительном и красивом анализе его первого Слова, прекрасный славянский перевод которого, как отмечает М. Б. Плюханова, — «высшее произведение словесности из всего нами здесь рассматриваемого» (С. 78), убеждает в силе ориентации богослова и гимнографа VIII в. на символические образы: «Богоматерь в ее небесном пребывании — душа ее, движущаяся ввысь среди небесных чиноначалий,

подлежит именованию преимущественно метафорами» (С. 84). Григорий Палама назван исследователем «богословом света».

Поиски световых образов в создании богородичного культа продолжены в Проповеди на Успение Григория Цамблака, акафистах Успению, каноне Филофея, тоже вошедших в русскую литературную традицию в конце XIV в. В целом, обнаруженные в поэтических успенских текстах «красота и богатство мысли и формы», обилие световых и символических образов, соотнесенных с иконописью, позволили исследователю проследить формирование русской традиции служб чудотворной иконе, в основании которых лежат канон Одигитрии и Последование похвальное. Этим двум литургическим произведениям в книге посвящены отдельные главы, наполненные очень содержательным материалом и скрупулезным анализом.

Канон Одигитрии («прибежище всех нас и утверждение»), именуемый радостным, вошел в качестве благодарственной молитвы за заступничества Богоматери в общую службу русским чудотворным иконам, в том числе Смоленской, Казанской, Тихвинской. Автор книги стремится определить: обращен канон к Богоматери или к иконе, и ей удастся рассмотреть «встречу» текста с почитаемым образом.

Исследование судьбы канона радостного проведено от времени появления литургического текста на Руси при митрополите Киприане в начале XV в. до обработок Арсения Глухого в Троице-Сергиевом монастыре в начале XVII в. Анализ Канонника Кирилла Белозерского, Акафиста Богородицы, житий позволил представить особенности бытования этого литургического текста в русских монастырях. Обширные рассуждения о каноне в православной традиции заканчиваются кратким экскурсом в историю почитания Одигитрии в Византии и Италии. Таким способом автор пытается выдержать сопоставительную линию в своем исследовании.

Изучение служб богородичным иконам (Смоленской, Казанской, Тихвинской, «Нечаянная Радость») приводит исследователя к выводу об интенциональной роли канона радостного иеромонаха Игнатия в истории чествования Одигитрии в православном мире. Мощная динамика в развитии празднований чудотворным иконам на Руси вызвана религиозным и историческим потенциалом духовной культуры XIV–XVII в.

Наряду с канонем Одигитрии значительную роль в развитии богородичной литургии сыграло Последование похвальное, ранний памятник молитвословия Божией Матери в русской традиции. Особенность этого текста, имеющего общее богородичное содержание, по замечанию М. Б. Плюхановой, находится на границе византийской и русской словесности. Примечательна установка исследователя — искать внеисторические смыслы в почитании богородичных образов, и Последование, несмотря на исторический контекст, на его место в Каноннике Кирилла Белозерского среди молебнов на исторические ситуации, квалифицировано как вариант службы на Успение похвально-догматического характера. Любопытна версия М. Б. Плюхановой о времени исполнения Последования — 26 августа, которым датируется чудо Владимирской иконы, спасение Москвы от Темир Аксака. Исследователь рассматривает его в линейке: память победы над агарянами 15 августа, празднование на отдание Успения 23 августа и Похвала Богородице 26 августа.

Замечательно сделан анализ трех стихир в Последовании, перешедших в службы богородичным иконам, например, Божией Матери Смоленской, Владимирской, Тихвинской. Важно наблюдение о связи Последования со Словом на Успение, которое сформировало символизм источника — Богоматери-источника. Последование, заключает автор, развивает и закрепляет за чудотворной иконой образ «света и благодати в кипении». Присоединимся к сетованиям о том, что византийско-славянская гимнография еще недостаточно представлена в исторических словарях (речь идет о контекстах к световой лексике).

Самые важные выводы, сделанные на основе изучения службы 26 августа, состоят в обоснованном утверждении, что главное отличие русского Последования от византийского культа — это «перенесение внимания на икону, Одигитрию», чествование иконы как источника благодати, идея сближения и взаимного несения Богородицы и Христа в успенской теме: «Богородица несет Христа и несомы Им в Успении, они несут миру свет благодати, свет исходит, кипит, течет...» (С. 240). При этом подчеркнута, что богородичный культ, связанный с символикой света в источении, в кипении, нельзя считать собственно русским, речь должна идти о сильном его проявлении в русской традиции.

Еще одно заключение привлекает внимание: не культ иконы, считает М. Б. Плюханова, породил текст службы, а икона подбиралась к празднику, то есть надо понимать, что литургическое начало в

происхождении служб архетипично, а историческое привходяще. Предложенный подход многое смещает в наших сложившихся представлениях и требует осмысления. Отталкиваясь от такого выдвинутого принципиального положения, М. Б. Плюханова переходит к исследованию празднований в честь русских чудотворных икон Божией Матери. История Владимирской иконы, в которой сошлись литургическое и историческое начала, должна, по замыслу автора, убедить в новизне концепции «увидеть историзм и вместе с тем вневременность русских чудотворных икон в их литургическом и историческом чествовании» (С. 252).

Множество разнообразных источников — летописных, агиографических, гимнографических, — привлеченных к изучению, все-таки не позволяет исследователю уйти от предположений, хотя интересных и оригинальных. Большинство рассуждений построено на релевантной импликации, что, видимо, неизбежно в реконструкции средневековых культурных явлений. Но наблюдения о становлении культа Владимирской иконы в соотношении с почитанием Спаса Нерукотворного, о формировании службы на Сретение 26 августа под влиянием службы Спасу 1 августа, «Слова о празднике Спаса», Последования похвального кажутся довольно убедительными. Понятен интерес исследователя к тексту службы Владимирской Богородицы: это поиск мотива света, сияния, озарения, ставшего ключевым в настоящем научном труде, и он найден во многих молитвословиях. Очень тщательно проведен анализ истории текста службы иконе на протяжении XVI в. Ценно наблюдение о высоких поэтических достоинствах русской службы 26 августа, близких к замечательному переводу Слова на Успение Иоанна Дамаскина. И вывод о том, что служба не прославляет чудо исторической победы, а посвящена идее появления на Руси образа-иконы, созданного евангелистом Лукой, как прихода самой Богородицы, источника спасения, света и побед, что Владимирская икона не столько палладиум Московской Руси, сколько святыня всего христианского мира, — главный в концепции исследователя. Далее он распространяется на историю празднований явленной иконе 9 июля, служба которой была важнейшей в русском богослужении.

М. Б. Плюханова относит службу 9 июля, не имеющую признаков исторического содержания, к архетипической форме. Ее особенность, по мнению исследователя, заключается в универсальности: она могла быть приспособленной к празднованиям различных явленных икон: Смоленской, Колочской, Тихвинской, Казанской, Оковецкой, Устюжской и др. Ее догматический характер составил основу русской гимнографии икон. Текст службы, как показывает автор книги, развивался под влиянием Последования похвального, и концепт света, «кипящего источника» стал стержневым в его строении. Само явление чудотворной иконы «есть встреча с милостью Богородицы, с ней самой», и канон на праздник 9 июля «есть похвала Богородице, источающей свои милости через икону-источник» (С. 333). В книге интересно и полно представлены разнообразные материалы по истории явленных икон, что позволило обосновать вывод о том, что в службе никак не отразились сказания об иконах, кроме проповеди на Торжество Православия (Сказания о Римляныне). Проповедь, как показано М. Б. Плюхановой, сыграла колоссальную роль в русской истории почитания богородичных икон, в формировании сюжетов сказаний, в складывании культа Тихвинской иконы, в богословии Богородицы как спасительного начала, но при сохранении чистоты веры. На учении о чистой Церкви, «бегущей в пустыню от бедствий», построено сочинение «Об обидах церкви», рассматриваемое исследователем как смысловое ядро традиции «Филофеева цикла» (о Третьем Риме). Обращение к нему обусловлено задачей, поставленной автором: «представить прежде всего высокое измерение и высокие источники культов» (С. 419).

Исследователь приводит систему аргументов в защиту своего предположения о том, что служба 9 июля появилась в 90-е годы XV в., в период борьбы за иконопочитание, в которой активное участие принимали книжники Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей, в обстановке укрепления культа Богородицы, выразившегося в появлении сказаний о Тихвинской, Колочской иконах и создании образов Одигитрии московским иконографом Дионисием. Заслуживают внимания наблюдения о роли Иосифо-Волоколамского монастыря и митрополита Даниила в утверждении культов богородичных святых. Определение времени, места, источников происхождения службы 9 июля явленным иконам — кульминация в развитии исследования «кипнящая святость».

Чрезвычайно интересна глава «Между Лорето и Тихвином», воспринимающаяся как научная биография Тихвинской иконы, представленной в роли «русской манифестации Одигитрии», несущей свет и милость. Сопоставление чуда Лорето и перемещения иконы на Тихвине, типология сюжета, история

текста сказаний позволили описать практику вхождения италийской письменной традиции в русскую книжную культуру.

В небольшой заключительной главе «Древо Богоматери и икона на древе» М. Б. Плюханова поставила две неравносложные задачи: показать, как развивается образ богородичного древа в литературе, и на примере символа древа «уточнить методы рассмотрения литургических и иконографических образов» (С. 521). Первая задача решена на основе обзора различных источников, в прежде всего библейских преданий, а также исторических сказаний, научных исследований, культурологических описаний. Вторая задача предполагает анализ литургического текста, и автор книги неожиданно предлагает здесь исторический подход к исследованию символики Богоматери, при этом соглашаясь, что она (символика) не подлежит исторической эволюции. Попытки выявить движения в оттенках смыслов потребовали скрупулезного анализа. И изменения в растительной образности Богоматери обнаружены в Акафисте (появление финика и Ливанского кедра), в русских богородичных службах 9 июля: Богоматерь уже не ветвь, а сам корень, или древо в райском саду, или сам райский сад, где растет древо жизни, или Сама — «святое древо в златозарном саду». Анализ сюжетов явлений икон на древе (Колочской, Тихвинской, Оковецкой) подводит исследователя к заключению об архетипическом значении древа как основания церкви.

Завершается большой труд историей икон в XVII в. Она оказалась связанной с именами известных личностей. Иоанникий Галатовский утвердил культ Елецкой иконы, восходящий к ветхозаветному древу. Симон Ушаков создал «икону икон» — «Древо государства Московского». Это явление расценено М. Б. Плюхановой как «результат эволюции русских культов чудотворных икон» (С. 566). Думается, что обращение к сюжету «икона на древе», практически не связанному с «кипением света», понадобилось исследователю для того, чтобы завершить описание исторической судьбы русской богородичной святыни и показать особенности (в сравнении с западной традицией) русской богородичной символики в литургической поэзии.

Смущает несколько моментов: отрицание ценности фольклора, снижение значимости летописных свидетельств, отказ от методов реконструкции истории текстов, обращение к мотиву богородичного древа, очень интересного по содержанию, но несколько выходящего за рамки концепта «кипения света» и перегружающего содержание книги, и расширение (?) понятия Одигитрии (на обложке книги логичнее было бы видеть, например, Тихвинскую икону, а не Владимирскую).

Книга, основные положения которой известны по статьям М. Б. Плюхановой, очень интересна своим богатым содержанием, к которому, безусловно, следует обращаться не раз; стройностью изложения, когда каждая глава (всего их девять) сцеплена не только логикой рассуждений, но и текстуально; четко выраженной оригинальной позицией автора, предлагающего нестандартные решения и опровергающего некоторые устоявшиеся положения.

Конечно, в рецензии невозможно обсудить все вопросы, поднятые в такой большой и сложной работе, как представленная книга итальянского слависта, прекрасно изданная Институтом русской литературы РАН (Пушкинский Дом), но хотелось бы обратить внимание специалистов на современный исследовательский опыт литургической поэзии.